

Евгений Рудашевский

Бессонница

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44
Р83

Макет и обложка — Александр Васин (Groza.design)

Рудашевский, Евгений.

Р83 Бессонница : [роман] / Евгений Рудашевский. — М. : КомпасГид, 2018. — 224 с. — (YA).
ISBN 978-5-00083-449-7

Серия «YA» (young adults) продолжает любимую читателями «КомпасГида» коллекцию «Поколение www.». В начале 2010-х она стала широко известна благодаря таким обсуждаемым романам, как «Скажи, Красная Шапочка» Беате Терезы Ханики и «Притворяясь мёртвым» Стефана Касты. Запущенная в 2010-м, та подборка была первой в России, ориентированной на аудиторию young adult («молодых взрослых»), и теперь линейка расширяется под новым названием. «YA» объединяет книги, которые могли быть написаны только в наши дни, — острые, дерзкие, злободневные романы-вызовы для читателей от 16 и старше. Оформил серию известный дизайнер, сооснователь фестиваля Turomania Александр Васин.

Макс переехал в Америку. На время — он учится в университете в Чикаго. Семестр идёт своим чередом: 19-летний юноша выборочно ходит на занятия, заводит новых приятелей, неохотно и не сразу влюбляется. Здесь, вдали от родной Москвы, жизнь могла бы показаться ему серой, если бы не одно «но»: в тумбочке лежит надёжно припрятанный чёрный свёрток. В нём — истинная цель поездки.

Новый роман-дневник Евгения Рудашевского описывает момент болезненного и неизбежного перехода из «тинейджерства» во взрослую жизнь. На пороге 20-летия главный герой впервые понимает, что отнюдь не всемогущ, и обнаруживает, что мир далёк от идеала. Макс ещё не поздно взять всё в свои руки и изменить: избавиться от отцовского давления («Ты будешь прекрасным юристом, место тебя уже ждёт!»), погрузиться в творчество, принять действительность со всеми изъянами. Или хотя бы пожить той жизнью, какая была у героев любимого Керуака: собрать друзей, прыгнуть в машину и умчаться куда глаза глядят.

Евгений Рудашевский — возможно, главный знаток подростковой психологии (по крайней мере мужской) среди современных авторов. Он словно и не становился взрослым: так точно воссозданы мысли и чувства его героев от 14 до 20 лет.

Роман «Бессонница», с одной стороны, отличается от ставших популярными повестей «Здравствуй, брат мой Бзоу!», «Куда уходит кумуткан» и «Ворон», а с другой — схож с ними по настроению. Но если в тех повестях, как и в книге «Солонго. Тайна пропавшей экспедиции», герои противостояли природе, то здесь главный вызов Макс бросает своей семье и самому себе. Нужно ли оправдывать чьи-либо ожидания? Есть ли где-то твоя персональная дорога, и если да — как на неё выйти?

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2=411.2)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-449-7

© Рудашевский Е. В., текст, 2018
© ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
оформление, 2018

In angello cum libello.

Это была ночь, необъятная задумчивая ночь,
матерь одиночества, смывающая с нас пятна.

Томас Вулф. Взгляни на дом свой, ангел

Свобода лишь означает, что тебе нечего терять.

Крис Кристофферсон. Me and Bobby McGee

Пролог

Всё началось два или три года назад, просто ты не замечала. Никто не замечал. Не думай, что моё решение было поспешным. Я его давно принял, только сам до какой-то поры не понимал этого.

Мне следовало заехать или хотя бы позвонить, но я знаю, что ты будешь плакать, а я к этому не готов. Лучшее, что я сейчас могу сделать, — отправить тебе свой дневник. Ведь это ты посоветовала мне завести его, помнишь?

И да, я не жалею о том, что сделал. Надеюсь, прочитав дневник, ты это поймёшь, и, когда мы опять встретимся, нам будет проще взглянуть друг другу в глаза.

9 сентября

Меня всегда пугали люди, слишком уверенные в своих желаниях, а тут, в общежитии, таких людей много. Спроси их ночью, и они даже спросонья перечислят свои мечты — в точном порядке, от главных до второстепенных. Заодно продиктуют адреса магазинов, где всё это можно купить со скидкой или в рассрочку.

Мы едва познакомились с Мэтью, но я уже знаю, что он мечтает о чёрном рояле «Steinway Spirio». Хочет по вечерам играть для друзей что-нибудь расслабляющее. При этом на корпусе непременно должен стоять бокал не допитого им вина. Желательно «Château Cheval». Даже не знаю, откуда он всего этого понабрался.

Мой сосед, Мэкси, мечтает о полной экипировке в цветах «Chicago Bears». Это его любимая команда по американскому футболу. Мэкси и сам играет за университет. Ещё он мечтает о семидесятидюймовой плазме.

Мэкси — неплохой парень, я даже обрадовался, когда узнал, что меня поселят в одной комнате с двухметровым чернокожим футболистом. Думал, будет интересно. А потом Мэкси стал возвращаться с тренировок, весь взмыленный. Это было бы не так страшно, если б он первым делом шёл в душ, который, кстати, находится через одну комнату от нашей. Однако в списке его дел посещение душа не стоит ни первым, ни вторым, ни каким-либо ещё. Он просто забрызгивает себя приторной ванилью

и, довольный собой, идёт на занятия. Так что у нас всегда пахнет его потом и его духами, больше похожими на освежитель воздуха. А сентябрь в Чикаго стоит жаркий, не спасают даже распахнутые окна.

Вообще, наша комната — одна из самых убогих в Солбер-холле. Тут все обставляются как могут: привозят из дома ковры, пуфики, стереосистему и всё в таком духе. А у нас нет даже занавесок. Зато есть телевизор. Старый «Samsung» с заляпанным корпусом и чуть более новым, но таким же заляпанным DVD-проигрывателем. Мэкси привёз его в первый день заселения. Долго возился с проводами, настраивал каналы, а на днях я зашёл в комнату и увидел, как Мэкси лежит перед телевизором и наявливает себе, толком не прикрывшись простыней. Я притворился, что говорю с кем-то в коридоре, — задержался на пороге, дал Мэкси возможность спешно натянуть трусы и выключить экран. Мне, в общем-то, всё равно, чем он тут занимается, пока меня нет, хотя всё это довольно мерзко, но закрывать дверь на ключ ему бы точно не помешало. А теперь Мэкси мечтает купить семидесятидюймовую плазму. Не хочу даже думать об этом.

Синди, с которой мы ходим на американскую литературу, мечтает... Да о чём она только не мечтает! О бордовом «Cadillac Fleetwood» девяносто шестого года, об абонементе в фитнес-центр на Мичиган-авеню, о домике на берегу Мичигана или Гурона — о таком, чтоб окна спальни непременно выходили на восток. Синди даже нашла в интернете подходящий особняк. Два этажа, веранда, бассейн во дворе и своя огороженная пристань. Вот только непонятно, куда там выходят окна спальни, и Синди из-за этого переживает, будто в самом деле не сегодня завтра купит этот дом со всеми его верандами и бассейнами. У неё нет денег даже на

фитнес-центр, какой уж тут дом, а она мечтает — со всей серьёзностью.

Вообще, от Синди можно было ожидать чего-то менее прозаичного. Она всё детство провела в Японии, её родители — миссионеры или что-то в этом роде. «Они несут слово Христово». В нашем университете такое встречается сплошь и рядом.

Университет Северного парка прежде был христианским. Главное здание, Олд Мэйн, построили не то священники, не то проповедники из Миннеаполиса ещё в 1894 году — оно оказалось самым высоким в этом районе. Олд Мэйн тогда стоял за чертой города, а его купол долгое время служил ориентиром для самолётов, заходящих на посадку в Очард Филд, где потом, в годы Второй мировой, построили современный аэропорт О'Хара. Изначально в Олд Мэйн обучали шведских эмигрантов, а вокруг лежали самые настоящие пустыри, но за сто с лишним лет он разросся: побывал и колледжем, и академией, затем стал полноценным университетом с огромным кампусом и со своей богословской семинарией. Так что христианские традиции тут сохранились, а статуя Иисуса и большая часовня в кампусе никого не смущают. Интересно, отец, отправляя меня сюда, знал об этом?

Впрочем, христианские традиции, как видно, не мешают студентам мечтать обо всех этих кадиллаках, особняках и плазмах на всю стену. Послушаешь их, и становится тошно. У меня так не получается.

На прошлой неделе звонил домой, в Москву. Говорил с мамой, а потом немного с отцом. Сказал ему, что не знаю, чего на самом деле хочу. Вроде бы говорили о какой-то ерунде, о том, чем здесь кормят и какие преподаватели, а я взял да и сказал — честно, без утайки. Сам не ожидал.

Отец тоже не ожидал. Он вообще не любит, если я резко меняю тему, говорит, что для будущего юриста это плохо. А тут промолчал. Понял, что я серьёзно. И ведь долго молчал, сосредоточенно. Может, думал, я что-то добавлю или как-то поясню свои слова. Но я больше ничего не добавил, и он наконец сказал, что мне нужно сходить на профориентацию. Говорит, запишись на консультацию, расскажи о своих проблемах и пройди соответствующие тесты. Так и сказал: «соответствующие тесты».

— В вашем университете с этим не должно быть сложностей.

А ещё отец сказал, что университет подтвердил оплату за первое полугодие. Мог бы не говорить, но сказал.

Профориентация... И ведь я ждал от отца чего-нибудь в этом духе. Конечно, ждал. Он всегда так говорит и действительно думает, что это мне поможет. Моей сестре вот помогло. Теперь она работает с ним в одной компании и, кажется, счастлива. По крайней мере, голос у неё счастливый, когда я спрашиваю про работу и про новых коллег. Впрочем, сестра всегда была из тех, кто твёрдо знает, чего хочет.

Ну и что я мог сказать отцу? Сказал, что профориентация — удачная мысль, что я обязательно схожу и пройду все нужные тесты. А когда я положил трубку, уже точно решил, что отступать некуда. Всё, что я тут задумал, ещё неделю назад казалось каким-то безумием, но теперь я вижу, что это единственный выход. Нужно действовать, пока эта трясина не засосала меня целиком. Потом будет поздно.

17 сентября

Люблю случайные взгляды и улыбки. Иногда где-нибудь в метро пересечёшься взглядом с незнакомой девушкой, не отведёшь его, а потом вы так и смотрите друг на друга — открыто, без стеснения. В какой-то момент девушка не сдерживает улыбку, и ты улыбаешься в ответ, будто увидел старого друга, с которым связано только всё самое приятное. И тут понимаешь, что девушка — красивая, но не так, чтобы её сразу фотографировать для журнала или рекламного стенда, а просто красивая, как у Джо Кокера: «you are so beautiful to me»¹, только без всех этих надежд и прочей романтики.

Между вами ходят какие-то люди, шумит метро, а вы улыбаетесь. И всё. Больше ничего. Ни слов, ни знакомства. Просто улыбаетесь, отводите взгляд, а потом опять смотрите друг на друга. Светло и радостно. Ты никогда не узнаешь, что она жуткая привереда, готовая целыми днями обсуждать своих подруг или какие-нибудь покупки, а она не узнает, что ты даже не покупаешь зубную нить, а если и покупаешь, то всё равно ленишься ею пользоваться. Но вам сейчас хорошо вместе. И когда где-нибудь на «Куинси» или «Рэндолф» вагон набивается пассажирами и вы теряете друг друга из виду, между вами всё равно остаётся тёплая нерушимая связь. А выходя на

---

1 «Ты так прекрасна для меня». — Здесь и далее — пер. с англ.

своей станции, ты протискиваешься между какими-нибудь клерками в душных костюмах и опять смотришь на неё — с неожиданным волнением заподозрив, что тебе эта связь лишь почудилась. Но вот она поворачивает голову, и вы опять встречаетесь взглядом. И ты чувствуешь, что действительно счастлив. По мне, так это чувство лучше всех разговоров, обещаний, поцелуев и уж точно лучше букетов, свиданий и знакомства с её друзьями. Чистое, непроросшее зерно. Я и детей за это люблю. Странно, да? Люблю в них свежесть и возможное будущее, а вот то, чем они станут, я не люблю. И сам не хочу никем становиться. Хочу навечно застрять в мгновении чистой свободы.

Как-то рассказал об этом Мэту. Думал, он будет смеяться, а Мэт промолчал. Задумался о чём-то своём. С ним такое бывает. Он мне поэтому и нравится. Люблю за ним наблюдать. Когда он думает. Или когда играет на фортепьяно. Иногда вечером Мэт возвращается в учебную комнату — отрабатывает произведения, не вошедшие в учебную программу. Я иду с ним. Смотрю и слушаю. И сегодня мог бы пойти, но отправился на вечеринку Стива.

Стив целый год учился по обмену в Москве и теперь взял меня под опеку, что ли, даже не знаю, как это назвать. Но опека у него не очень получается. Первое время он объяснял мне, как тут всё устроено: где купить выпивку, где знакомиться с девушками, как пробраться в бар с чужим ID, ну и всё такое.

— У нас тут некоторые сдают свою карточку в прокат. Главное, чтобы на фотографии был человек одного с тобой цвета. Это работает. Охранники особо не придираются. Видят, что ты белый, и пропускают. Так что ID у цветных не бери, ничего не получится.

Стив говорил с таким видом, будто наставлял меня в древней китайской мудрости, и, наверное, думал, что я весь трепещу перед его знаниями, а мне хотелось смеяться, потому что всё это было как-то глупо и даже пошло, но я слушал и один раз назвал Стива сэнсэем — думал, он улыбнётся и наконец поймёт, что я не воспринимаю его всерьёз, и Стив в самом деле улыбнулся, только в его улыбке сквозила до того непоколебимая уверенность в собственном превосходстве, что мне окончательно стало неловко. А потом Стив позвал меня к себе на вечеринку.

Он живёт в отдельном доме на окраине кампуса. Там шесть домов. В каждом — по шестнадцать студентов. Они платят больше, чем мы за общагу, но им, конечно, веселее. Заселиться в дом сложно, там целая очередь. В общем, живут они неплохо, а по выходным закатывают вечеринки. Ничего такого, им нельзя слишком шуметь, но многие в кампусе им завидуют.

Вот на одну из воскресных вечеринок Стив меня и позвал. Я отказался — придумал какую-то вполне достойную отговорку. Потом отказался ещё раз. А на третий раз отказаться не смог — Стив поймал меня у Кэролайн-холла и буквально потащил к себе. Я только и успел написать Мэту, чтобы он меня не ждал.

В доме было шумно и тесно. Гремела музыка. Правда, музыка мне понравилась. Играл «Oasis». «Cigarettes and alcohol» — песня вполне соответствовала тому, что я увидел. Алкоголя тут было предостаточно. Разве что сигарет не было — в доме стояли датчики дыма, всё-таки дом университетский, и курить разрешалось только на веранде.

Мы протискивались через веселившихся студентов, среди которых были и совсем взрослые ребята, а я с наслаждением слушал, как младший Галлахер тянет своё

неповторимое «ши-ен» в словах «imagination», «action», «situation» и уж совсем непередаваемое «ши-яйн» в слове «sunshine», да и фраза «Is it worth the aggravation to find yourself a job when there's nothing worth working for?»² казалась как никогда уместной. Но это было единственное, что доставляло удовольствие. В остальном я был явно не в своей тарелке.

Дальше хуже. Стив затащил меня в свою комнату и закрыл дверь на замок — музыка с первого этажа будто ушла под воду и только продолжала отчётливо вибрировать в стенах. Комната оказалась вполне просторной и уютной. На удивление много тряпья: вещи лежали по всем четырём кроватям, по тумбам, стульям, столам, на полу, даже стены были завешены тряпичными флагами университета и «Chicago Bears».

Мы остались наедине, и Стив открыл свою тумбочку. Святая святых. Тайник. В ней стояла водка. Много водки, привезённой из России. А ещё перцовка и какие-то наливки в неподписанных бутылках. Стив выглядел очень гордым. Думал, что такая картина меня впечатлит. И я постарался его не разочаровать — изобразил удивление, хотя сделать это было непросто. Мне стало скучно. А Стив со смехом рассказал, как пронёс водку через таможню, как прятал бутылки в носках, потому что на досмотре приходилось полностью открывать чемодан:

— Я почти как Кристофер Уокен с вьетнамскими часами. Понимаешь, да?

Изображать восторг было всё сложнее, и я обрадовался, когда Стив предложил перейти к делу — выпить. Не то чтобы я любил пить, и уж тем более водку, но искренне

---

2 «Стоит ли напрягаться и искать себе работу, если нет того, для чего действительно стоило бы работать?»

понадеялся, что так для Стива закончится его неуклюжий ритуал гостеприимства, и, в общем-то, оказался прав.

Мы выпили по одной полной рюмке. Стив сказал, что бережёт бутылки для особых случаев, и я мог только порадоваться, что мой приход оказался для него не таким уж особым и был оценён лишь в одну рюмку, а потом... Потом Стив наконец отстал от меня. Думаю, мой восторг всё-таки выглядел наигранным, а благодарность — фальшивой. Так или иначе, Стив сказал, что ему нужно отойти, и больше в этот вечер мы уже не общались.

Я бы сразу ушёл из дома, но меня разморило. И я отправился бродить по коридорам. Просто ходил, смотрел на людей. Слушал, как они смеются. На меня никто не обращал внимания. Даже не стеснялись целоваться при мне и всё такое. Ни танцевать, ни играть в настольные игры или «PlayStation» я не хотел. Так и маялся без дела. А потом увидел её. Эшли. Она сидела на полу, возле закрытой двери. Я мог бы пройти мимо — разговор с такими красивыми девушками у меня обычно не клеится, — но почему-то остановился и просто сел у стены напротив. Поблизости никого не было, и мы как-то разговорились. Точнее, Эшли сама начала говорить, а я подхватил.

Сказала, что её зовут Ashlee — с двойным «е» на конце. Я не придумал ничего лучше, чем сказать, что меня зовут Дэн с одной «н» на конце. Я не умею шутить в ответ. Всегда хочу ответить так, чтобы и весело, и остроумно, но никогда не получается. Если только подумать хорошенько, то через час-другой могу подобрать что-нибудь забавное, а вот так, сразу — это не про меня. В такие моменты хочу удавиться. Я бы тогда ушёл, но Эшли усмехнулась — просто, без претензии, будто я в самом деле

неплохо справился и сумел поддержать разговор, и уходить уже не было причин. Я остался, и нам даже было весело.

Собственно, Эшли не то чтобы очень красивая. Лицо у неё самое заурядное. Гладкое, аккуратное, но ничего особенного. А вот стоит ей улыбнуться, и оно оживает, становится каким-то тёплым, весенним. Как-то сразу проявляются и губы, и нос, и глаза. Будто её изначально создали такой — улыбающейся. Не могу точнее объяснить. Просто бывают люди, которые родились с улыбкой, и если они не улыбаются, то будто исчезают, перестают существовать. Эшли была именно такой. И я как никогда прежде жалел, что не умею по-настоящему шутить или рассказывать забавные истории.

Мы как-то без суеты, спокойно обсудили учёбу. Выяснилось, что оба ходим на профессора Тёрнера, только раньше друг друга не видели. Наверное, на занятиях Эшли не улыбалась, вот я и не замечал её. А меня не заметить легко.

Потом выяснилось, что мы читаем одну книгу — «В дороге» Керуака. И тогда уже весь дом и этот шум — всё пропало. Я сейчас даже не вспомню, какая играла музыка. Мимо нас изредка проходили парочки, и они что-то говорили, а в конце коридора, кажется, был туалет, и возле него собиралась очередь, но мне казалось, что мы с Эшли остались вдвоём. Сидели на полу у закрытой двери. В комнате что-то явно происходило, я слышал звуки и даже догадывался, что именно там происходит, но меня это не интересовало. Я ожил. Со мной в последний год это случалось редко. А Эшли была в белой футболке с потрескавшимся рисунком Бетти Буп — почти как у Меркьюри на «Уэмбли» в 1986 году, в рваных джинсах, через которые проглядывала светлая кожа её худых ног.

И от неё пахло чем-то цветочным. И день оказался вполне себе неплохим.

Мы всё говорили про Керуака, и я на память процитировал любимый отрывок — пришлось говорить чуть громче, потому что музыка с первого этажа отчасти заглушала мой голос: «Я плёлся сзади, как всю жизнь плетусь за теми, кто мне интересен, потому что интересны мне одни безумцы — те, кто без ума от жизни, от разговоров, от желания быть спасённым, кто жаждет всего сразу, кто никогда не скучает и не говорит банальностей, а лишь горит, горит, горит, как фантастические жёлтые римские свечи, которые пауками распускаются в звёздном небе, а в центре возникает яркая голубая вспышка, и тогда все кричат: „Ого-о-о!“»

— Здорово! — Эшли пересела поближе ко мне. Мы теперь сидели бок о бок — на ковролине, пыльном и давно стёртом в одну сплошную бесцветную плешь и лишь по углам сохранившем изначальный зелёный цвет. — Ты заучил этот отрывок!

— Нет... Просто запомнил. У меня хорошая память.

И это была чистая правда. Я не красовался, ничуть. Память у меня действительно хорошая. Я всегда почти в точности запоминаю понравившийся отрывок, а уж если прочитаю его несколько раз, так он отпечатывается даже визуально: закрыв глаза, я вижу каждую прочитанную строчку и саму страницу со всеми её пятнами и пометками.

На какое-то мгновение я испугался, что Эшли подумает, будто я всё-таки красуюсь, но она поняла, что я не пытаюсь как-то её впечатлить, а говорю искренне. И мне захотелось её обнять, но я сдержался, не стал этого делать даже в шутку. И всё равно был доволен происходящим.

— Ты всё запоминаешь?

— Не всё, но многое.

— Круто... У Капоте тоже была хорошая память. Он запоминал девяносто четыре процента из всего прочитанного. Ну, если верить фильму. Видел? Так и называется: «Капоте».

— Нет.

— Посмотри. Если хочешь стать писателем, тебе пригодится.

— С чего ты взяла, что я хочу стать писателем?

— Не знаю... А что, это не так?

— Ну... Так, наверное.

— Ну вот! — Эшли торжествующе хлопнула меня по колену.

Я тоже развеселился. Меня удивило, что Эшли спокойно, ничего не уточняя, признала моё право на то, чтобы однажды стать писателем, будто в этом не было ничего необычного.

— А ты такой же? — спросила Эшли.

— В смысле?

— Ну... Тоже горишь, как римская свеча?

— Что?! — я хохотнул.

Потом, посерьёзнев, ответил:

— Нет. На самом деле я боюсь таких людей.

— Боишься?

— Да. Всех этих людей, горящих как римские свечи. У которых баки всегда полны, а газ от малейшего прикосновения выжимается в пол.

— Почему?

— Почему боюсь? Ну... Не знаю. Наверное, потому что сам не такой. Мог бы и хотел бы, но не такой. Может, у меня газ тоже выжимается в пол, только вот двигатель барахлит.

Эшли рассмешило моё сравнение.

Мы ещё поговорили о Керуаке, а потом дверь открылась. Из комнаты вышли Кристен, подруга Эшли, и какой-то парень в шортах — явно старше их обеих. Кристен и парень были помятые и весёлые. На меня не обратили внимания. Несмотря на весёлость, Кристен не выглядела счастливой. Я это хорошо чувствую в людях. Ну, или мне только кажется, что чувствую, не знаю. Но мне иногда приятно думать, что я могу вот так, одним взглядом понять, счастлив человек или нет. И Кристен точно не была счастлива.

Она ушла к туалету, а парень остался с нами. Сел рядом с Эш у стены. У него была фигурная чёрная щетина, и он улыбался, будто готовился сказать что-то очень остроумное. Мне никогда не нравились люди с такой улыбкой. Ещё я не люблю слишком позитивных людей, которые при первой же встрече обрушивают на тебя весь поток своего позитива, будто ты их лучший друг, ну, или будто знают, что завтра умрут под колёсами грузовика, и поэтому торопятся использовать каждую из оставшихся секунд. Я много раз замечал, что безудержные весельчаки потом оказываются смертельными занудами, когда дело доходит до каких-то настоящих проблем или когда нужно поговорить спокойно, а ещё они обидчивы до одури и чуть что одаривают тебя осуждающим взглядом, будто ты нагадил у них под кроватью. Не то чтобы этот парень мне показался именно таким, но мне он как-то сразу не понравился. Наверное, из-за того, что я хотел побыть наедине с Эшли.

Мне не хотелось молчать, и я наконец, глядя на его фигурную щетину, спросил, сам ли он бреется. Вопрос, конечно, глупый, но мне было важно развеять молчание.

Парень не сразу понял вопрос, а потом кивнул:

— Сам. Всё сам. А ты?

— Я тоже сам.

И это прозвучало вдвойне глупо, потому что бриться мне пока что особо было нечего. Нет, конечно, я знал парней, которые уже в десятом классе пытались начесать себе бородку Ван Дейка или как она там называется — вроде козлиная, а смотрится не так плохо, если есть на что смотреть. Но у меня и в девятнадцать лет волосы на подбородке и щеках растут убогими рассеянными пучками, которые приходится тут же срезать, чтобы не выглядеть как какой-нибудь фрикер — из тех, кто со старших классов ходит с длинными китайскими волосками.

— Всегда нужно бриться самому, — многозначительно сказал парень и провёл ладонью по щеке, будто выщупывая, стоит ли ему прямо сейчас отправиться в туалет и там подровнять щетину или всё-таки подождать до завтра.

Глупый разговор. Но Эшли улыбалась. Ей разговор казался забавным.

— И вообще, — впервые за всё это время парень посмотрел прямоком на меня, — брейся везде, где можешь. Это, чёрт возьми, важно. Слышишь?

Я кивнул, не совсем понимая, почему он об этом говорит с такой серьёзностью.

— Запомни, главное правило: ясень без кустов кажется выше.

Я не сразу понял, о чём идёт речь. Думаю, это читалось по моему лицу, и парень, усмехнувшись, хлопнул себя по шортам. Я наконец понял, о каком ясене он говорит, и поморщился. Парень, довольный тем, какое впечатление на меня произвела его мудрость, рассмеялся. Не знаю, куда бы нас завёл этот разговор, но тут Эшли предложила мне выйти на веранду, проветриться, и я с радостью согласился.

На веранде было по-вечернему свежо, а возле фонарей беззвучно вились обезумевшие мотыльки. Эшли сразу закурила. Я тоже закурил. Собственно, курить я начал именно в Чикаго. Сам не знаю зачем. Подумал, что так будет проще. Правда, выглядел глупо — даже фольгу из пачки не вырывал, не знал, что все так делают, да и затягиваться старался чересчур жадно, отчего меня поначалу подташнивало.

Мы с Эшли какое-то время смотрели на тихие глыбы университетских зданий — все как один из красного продолговатого кирпича, с белыми окнами, многоскатной черепичной крышей, а порой и с неуклюже торчащим дымоходом. Смотрели на чёрные улочки кампуса — днём всегда заполненные студентами, а сейчас начисто вылизанные безлюдием. Потом разговорились про занятия. Выяснилось, что профессор Джей, преподававший мне американскую литературу, — дедушка Эшли. Это было неожиданно и очень странно. Они были совсем не похожи.

Вообще, профессора зовут Йовица Югович (Jovica Jugović по-английски). Он так и представился на первом занятии. Попросил всех по очереди произнести его имя. Ни у кого не получилось. Только у меня. Я не единственный иностранец в группе, там ещё сидят две кореянки и один палестинец, но с полным именем профессора справился только я. Глупая затея, а профессору, кажется, понравилось, как все коверкали его имя. В итоге студенты стали называть его «профессор Джей», а он и не сопротивлялся. Да и потом выяснилось, что он не такой уж зануда и, кажется, очень гордится тем, что сорок шесть лет назад первым из своей семьи приплыл в Нью-Йорк. Два года отработал простым докером, три года ходил рыбачить, потом женился на американке, с которой и переехал в Чикаго, где они живут уже тридцать один